

Высшие маги не терпят лжи. Теперь мне это точно известно.

Что еще я знаю о высших? Гордых, самоуверенных, сильных. Что знаю о том, с кем подписала договор, кому отдала не только свои ночи, но и сердце? Много. И... почти ничего.

Успокаивает одно — в моей жизни тоже немало тайн, и если Айтон считает, что все их разгадал, то очень ошибается.

«Он — твой», — твердил мне фамилляр.

А вдруг это правда?..

Вторая книга дилогии

Глава 1

Айтон улыбался, нагло подглядывая за мной из-под опущенных ресниц.

Нет, он, конечно, делал вид, что совсем-совсем не смотрит, как я и просила. «Видишь же, лисичка, даже глаза закрыл, вот какой я послушный...» Но его выдавала улыбка — открытая, озорная, предвкушающая.

При мысли о том, что мужчине сейчас приходит в голову, щекам вмиг стало жарко. Я так и не разучилась краснеть в его присутствии. Потом подключилось мое собственное воображение, рисуя картины одна другой бесстыднее и откровеннее. Пальцы задрожали, и я окончательно запуталась в платье, которое спешно на себя натягивала.

— Айт, — запыхтела сердито. — Ты же обещал не шпионить.

А этот высший, он... он еще и рассмеялся.

— Ну, прости, лисенок... Прости.

Быстро поднялся на ноги и через мгновение уже стоял за моей спиной.

Расправил одежду, развернул лицом к себе и открытому окну, из которого лился яркий свет. Я словно утонула в солнечных лучах, даже невольно зажмурилась. А Айтон тем временем заботливо, нарочито медленно, застегнул пуговички на лифе. Осмотрел дело рук своих, подмигнул лукаво и снова улыбнулся, так щемяще-нежно, что у меня сердце остановилось.

— Ты прекрасна, — выдохнул он. Обнял, зарылся лицом в волосы. — Это выше моих

сил — не наблюдать за тобой. Не могу оторваться ни на миг. — Горячий поцелуй обжег висок, за ним еще один... и еще... — Я так соскучился.

— Я тоже, — шепнула, с удовольствием подставляя лицо и шею настойчивым ласкам.

— Скучаю каждое мгновение, когда тебя не вижу, — последовало очередное признание, от которого по телу разлилось приятное тепло. — Не хочу больше расставаться... Никогда... Не хочу...

— И я... Знаешь, мне вдруг показалось, что потеряла тебя навсегда. Я так испугалась... Я...

— Ш-ш-ш... Все прошло, найтири. Прошло, и уже не вернется.

Потянулась к нему, обхватила за шею, прижалась, и Айтон с коротким стоном накрыл мои губы своими.

Поцелуи... Жгучие, лихорадочные, пыльные... Томительные, неторопливые, самозабвенно-страстные... Я плавилась, растекалась невесомым сияющим облаком под этими прикосновениями. Уносилась высоко-высоко и исчезала там, в небесной синеве за окном.

Высший опомнился первым. Отстранился, осмотрел мое платье, снова полностью расстегнутое, свою растерзанную рубашку...

— Мне кажется, легче раздеться, чем в очередной раз все это застегивать, — выдал с преувеличенной серьезностью.

— Угу...

Губы горели от поцелуев, язык заплетался, поэтому я была немногословна. Но полностью и безоговорочно согласна со своим мужчиной.

— Давай никуда не пойдем, лисенок? Ну их всех... как-нибудь обойдутся и без нас. А мы закроемся на сто тысяч магических замков, снимем все эти тряпки и прикажем не тревожить нас, как минимум, неделю. В душ вместе ходим для начала, м-м-м?

— Заманчиво, — мурлыкнула я. — А еду где возьмем?

— Хвича попросим, — беспечно отмахнулся Айтон. — Он обязательно сжалится над нами, что-нибудь раздобудет и принесет.

— Я соглас...

— Р-р-р, — раздалось за окном протестующее.

Мы переглянулись и дружно прыснули.

— Бдит, — уважительно прокомментировал высший.

— Весь в тебя. Тоже любитель поглядывать.

— Нет, он деликатнее. Я подсматривал, а он только подслушивает.

За окном зашуршали, затоптались и снова возмущенно рыкнули.

– Опаздываете... Нельзя...

О, теперь еще и крыльями захлопали. Все, пропала клумба. Опять садовник придет жаловаться на горгула.

– Не получится остаться, – вздохнула огорченно. – Хвич точно будет против. Заморит нас голодом в отместку. А уж если и Мишь к нему присоединится... Против этих двоих нам не устоять.

– Тогда... – Айтон снова привлек меня к себе. – Быстро сходим и вернемся. У нас вся ночь впереди... Много-много бесконечных ночей и дней. Вся наша жизнь...

– Да, – я прильнула к нему, щурясь от счастья. – Вся жизнь...

Меня качнуло из стороны в сторону, резко подбросило, ударило обо что-то твердое, и я открыла глаза, пытаюсь сообразить, что происходит. Хватило нескольких мгновений, чтобы все вспомнить, и я, стиснув зубы, откинулась на спинку сидения.

– Эли? – пробился сквозь отдающийся в висках грохот сердца тревожный голос мамы. – С тобой все в порядке?

– Да, не волнуйся, мам, – выдавила из себя улыбку, стараясь, чтобы она не походила на оскал. – Просто, я еще не проснулась.

Сон... всего лишь сон. Навевные усталостью и дремотой грезы. Комната, утопающая в солнечном свете, беззаботный Айтон, сердитый Хвич, поцелуи и наш разговор – ничего этого никогда не было и, судя по всему, уже не будет.

В реальности все обстояло совершенно иначе. Тяжелое расставание, поспешный отъезд, больше похожий на бегство, запыленная дорожная карета, ухабы и долгое путешествие из столицы в имение.

Мимо проплывал бесконечный лес – однообразная картина, успевшая за время пути уже изрядно надоест. Я безучастно смотрела в окно, ни на чем не останавливая взгляд, и мыслями находилась очень далеко отсюда.

Странное видение все никак не желало отпускать. До сих пор казалось, что я слышу щебет птиц, клекот Хвича, запах цветов, ощущаю, как теплые солнечные лучи гладят кожу. Никогда раньше у меня не было таких ярких, отчетливых снов.

Поерзала на сиденье, устраиваясь поудобнее. Несмотря на многочисленные подушки, которыми выложили нашу повозку, отбитые бока нещадно болели. Мы уже отъехали достаточно далеко от столицы, и тракт, все еще широкий, стал заметно хуже. Никто не запрещал нам чаще останавливаться и разминаться, но я не собиралась задерживаться дольше необходимого. Прочь отсюда, как можно скорее и дальше. От Кайнаса, от нашего дома на тихой зеленой улочке и от Айтона.

Айтон...

Я старалась не думать о нем, дав себе слово поскорее забыть все, что связано с прежней жизнью. И днем мне это почти удавалось. Но ночью и в краткие мгновения вот такого забытья высший вновь и вновь упрямо приходил ко мне.

Чаще всего мне снилась наша последняя встреча. Его несправедливые упреки, сгорающие в воздухе листы договора, исчезающий с запястья нхоран и мои слова. То, что я ему сказала на прощание врезалось в память до последнего звука...

Вот я опускаю уже совершенно чистую от любых рисунков руку, выпрямляюсь – до боли, до хруста в спине. На миг закрываю глаза, в которых больше нет слез, и произношу...

– Наверное, это уже не имеет значения, но все-таки хочу, чтобы ты знал. Я не предавала тебя. Не помогала герцогу ли Норду. Не продавала кольцо. Я его просто-напросто потеряла. Представь себе, и такое иногда случается. Да, я не донесла на родного отца. А ты бы донес? И вывела бывшего жениха из города. Только в этом я и виновна.

Я останавливаюсь, облизываю пересохшие губы. Айтон молчит, не шевелится, спрятавшись за теньями, которые окружают мага так плотно, что я уже не вижу его лица. Но я все равно продолжаю.

– Ты говорил, что не переносишь лжи, а сам обманывал, позволив поверить, что не знаешь моего настоящего имени. Не доверял мне с самого начала, не поверил и сейчас. Даже не пожелал выслушать. Слова «Ренни» для тебя значат неизмеримо больше всех моих клятв.

Мой голос почти дрожит, но я не позволяю отчаянию подняться на поверхность. После того, как исчезла метка, меня окутало странное спокойствие, граничащее с безразличием. Вот пусть пока так и остается.

– Ты сделал свой выбор, Айтон. Надеюсь, тебе не придется о нем жалеть...
Прощай...

У меня еще хватает сил развернуться и в полной тишине покинуть зал. Я даже не понимаю, куда иду. Хорошо, что меня вовремя перехватывают и провожают к выходу...

Не помню, как тогда добралась домой, как объяснялась с обеспокоенной мамой и Уной. Потом попросила меня не беспокоить, ушла в свою комнату, закрылась, упала на кровать и слепо уставилась в потолок.

Не представляю, сколько бы я так пролежала, если бы не маги. Они пришли ближе к вечеру и коротко, четко сообщили, что на сборы нам дается день. Послезавтра утром мы обязаны навсегда покинуть Кайнас.

Это известие вырвало меня из нездорового оцепенения, заставило двигаться и хоть чем-то заняться. За ночь и день предстояло сделать очень многое, но прежде...

– Нэсса, – я закрыла за лагорцами дверь и схватила за руку, пытавшуюся прошмыгнуть мимо меня невестку. – Кольцо... Это ты его взяла?

– Что? Как тебе только в голову такое пришло?! – взвизгнула женщина, некрасиво кривя рот. – Я герцогиня, а не воровка. Да и зачем мне эта дешевка? Ее и за медяк не каждый купит. Да я... Да ты...

Чем дольше она распалялась и громче кричала, чем старательней избегала встречаться со мной взглядом, тем больше я уверялась в ее вине. У меня было время подумать, сопоставить, и сейчас я окончательно убедилась, что подарок Айтона украла именно она. Не знаю, зачем, кому она его отдала, и спрашивать не стану. Все равно не признается. Да это уже и не важно.

Я смотрела на красную от злости Нэссу и вдруг поймала себя на том, что больше не чувствую к ней ничего. Ни ненависти, ни жалости. Одно лишь брезгливое недоумение. Если бы не племянник...

– Значит так, – я сделала шаг вперед, прерывая ее возмущенные стенания, и невестка поспешно отбежала, почти отпрыгнула назад. – Поговори со своим... покровителем. Если тебе разрешат здесь остаться, дом в твоём распоряжении. Я дам денег. Немного, но, если распорядиться ими с умом и экономить, на первое время хватит. Потом Талим подрастет, и метка у тебя есть... Справишься. Если не позволят задержаться в столице, мы отвезем тебя к родителям. Все равно, это по пути. С нами в имение ты не поедешь.

– Но... – вскинулась женщина.

– Это все, – я даже не стала слушать, что она собирается сказать. – Выбирай.

Невестка побагровела еще больше, несколько мгновений стояла, хватая воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба, а потом выскочила из дома и громко хлопнула дверью.

Вернулась она через несколько часов, тихая, какая-то присмиревшая. Глядя в пол, буркнула, что решила ехать к родным, и побежала к ребенку.

Я только плечами пожала и тут же забыла о ней, занявшись сборами в дорогу.

Огромный рыдван подъехал к дому едва рассвело. Не знаю, кто его нанимал и обустроивал, не думаю, что кто-то из высших лично этим занимался, но сделано все было так, чтобы мы путешествовали с удобством. Насколько это, разумеется, возможно. Высокий, просторный экипаж, удобные, мягкие сидения, множество подушек и подушечек – под голову, под шею, под спину, несколько пледов и мягких шкур, чтобы укутывать ноги.

– Доброго утра, госпожа Бэар, и вам, госпожа Бэар-старшая, и вам тоже... Гм... Прекрасный денек сегодня. А вы нас, никак, покидаете?

Не успели мы сойти с крыльца, как поблизости, будто из-под земли, возник Зак Сетнер. И откуда он взялся, Сахтар его пожри? Улица же только что была совершенно пуста. Неужели за углом караулил?

Сзади нервно закашлялась Нэсса. Покосилась на невестку: она шла рядом со мной,

не поднимая глаз, а на щеках ее алел лихорадочный румянец.

– Так куда же вы собрались, позвольте полюбопытствовать, – не отставал мясник.

На губах – глумливая усмешка, в глазах – плохо скрытое торжество, словно Заку известен какой-то унижительный для меня секрет, но ему строго-настроено велели молчать, и он изо всех сил сдерживается, чтобы не выдать тайну. И такая злость меня взяла, что само собой невольно вырвалось:

– Да вот, мы тут дворец недавно приобрели загородный. Переезжаем.

Нэсса издала какой-то невнятный возглас, но, хвала Каари, промолчала.

Улыбка Сетнера моментально выцвела и сползла с лица. Он обвел ошарашенным взглядом большую дорожную карету, суровых охранников, терпеливо ожидающих, когда мы приблизимся, и затоптался на месте.

– Раз так, то конечно, – зачастил растерянно. – Дворец он всяко приятнее городского-то дома. Да и ребеночку на природе полезно. Ну, прощайте, госпожа Бэар. Не поминайте, как говорится, лихом. Пресветлая даст, свидем...

Он еще что-то бормотал, но я уже не слушала.

Нам помогли погрузить весь наш нехитрый скарб – несколько сундуков, пару корзин, посадили каждую по очереди в повозку, подали люльку с Талимом, захлопнули дверь, и экипаж тронулся. Мимо проплыло недоуменное лицо Сетнера, из окон высывались любопытные соседи, кое-кто даже за калитку выскочил. Я кивнула нескольким из них, прощаясь, а потом задернула со своей стороны штору, отсекая себя ото всех, кого оставляла здесь.

Прощай, Кайнас...

– Все будет хорошо, солнышко, вот увидишь, – мама мягко взяла меня за руку.

– Конечно будет. Даже не сомневайся, детка, – подхватила сидевшая рядом Уна. – Съешь, лучше, яблочко. Вот, держи. Смотри, какое спелое.

Уна...

Как мы с мамой ни настаивали, чтобы она осталась с Толлой в столице, как ни уговаривали, что это для нее удобнее и безопаснее, успеха так и не добились. Позже и сама хозяйка «Гнездышка» к нам присоединилась, пытаясь убедить сестру, что без ее помощи в заведении ну никак не справиться. Уна была непоколебима.

– Если я вас сейчас в беде брошу, никогда себе не прощу, – отрезала она, поставив тем самым в разговоре точку.

Так что ехали мы вчетвером, вернее впятером, если считать малыша Талима, мирно спавшего в своей переносной кровати.

Невестка почти все время молчала, мрачно уставившись в окно, отвлекалась только на то, чтобы покормить, перепеленать и покачать сына. На стоянках держалась поодаль, и первая никогда не подходила. Впрочем, ее настроение меня не волновало. Я знала, что родители Нэссы живы-здоровы, благополучно успели доехать

до своего поместья, и война, кстати, их почти не коснулась. Об этом мне еще несколько недель назад сообщил Айтон. Я сразу же передала невестке слова высшего, но ее известие о родне оставило равнодушной. Судя по всему, прозябать в провинции не входило в ее планы. Она надеялась остаться в Кайнасе, вместе с сыном, которого, по ее твердому убеждению, ждало в столице блестящее будущее.

Дальнейшая жизнь Нэссы меня уже не интересовала, а вот судьба племянника беспокоила. Как примут маленького темного родные? Кто проведет церемонию имянаречения?

Мама первой не выдержала, спросила об этом и услышала в ответ, что Нэсса обо всем договорилась, и жрец Сахтара совершит обряд на месте. Вот и хорошо. Значит, и этот вопрос решен.

Останавливались мы редко, ночевали или в маленьких придорожных гостиницах, или, если не удавалось, прямо в повозке, на шкурах.

Наши сопровождающие – то ли охранники, то ли тюремщики, а, скорее всего, и то и другое – особой разговорчивостью не отличались, но всегда вели себя неизменно вежливо, предупредительно и помогали по первой просьбе. Высших среди них, благодарение Каари, не было – четыре мага, включая старшего всей группы, лэйра Виаста, и конный воинский отряд. Достаточно грозная сила, чтобы не бояться ни разбойников, ни дезертиров, промышляющих в это непростое время на дорогах и трактах.

Мы спокойно двигались вперед, удаляясь все дальше и дальше от Кайнаса. Деревни встречались все реже, гостиницы тоже, кругом, насколько хватало глаз, простирался бесконечный лес.

Я долго размышляла, говорить маме о том, что отец жив, или нет, и все-таки пока не стала этого делать. По многим причинам.

Там, в Кайнасе, во время сборов, нашлись более важные и срочные дела, сейчас же рядом постоянно кто-то находился. Уна, Нэсса... А на стоянках за нашими спинами моментально возникали лагорцы, ненавязчиво, но бдительно следя, чтобы мы не отходили слишком далеко. Уединиться поговорить по душам, откровенно и подробно, не имелось никакой возможности. Да и не хотелось мне сейчас вспоминать ни о герцоге ли Норде, ни о лорде Айтоне. Слишком все свежо и болезненно.

Вот вернемся домой, придем в себя немного, тогда и побеседуем. Обо всем, что случилось в нашей жизни. Потом я найду ту книгу о высших, что спрятала где-то в имении леди ли Норд, и обязательно ее прочитаю. От корки до корки. А если выяснится, что никакой рукописи нет, не отстану, пока не услышу правду. Всю. До конца.

За время ее болезни я привыкла беречь маму, не тревожить неприятными новостями. Взрослела, училась принимать самостоятельные решения. И мама, выздоровев, беспрекословно приняла мое главенство. Она любила меня, если понадобилось, отдала бы жизнь, но в трудной ситуации растерялась, оказалась не готова отвечать не только за себя – за всю нашу маленькую семью. Она всегда была тихой, уступчивой, и никогда не прекословила мужу. В отличие от меня. Я вот уже умудрилась, глядя прямо в глаза герцогу ли Норду, отказать ему, сказав: «Нет». Наверное, характером пошла в отца...

А еще я часто вспоминала Хвича. Знала, что он тоже ранен, но постепенно идет на поправку — об этом мне сообщили наши сопровождающие, устав от настойчивых расспросов о фамильяре Айтона.

— Все в порядке, не беспокойтесь. О нем есть, кому позаботиться.

Вот и весь разговор.

Но я все равно беспокоилась, мысленно пыталась звать — и его, и даже Миша, но фамильяры не откликались. Лишь горгул иногда приходил во сне.

Снился он мне реже, чем высший — раза два, не больше, и всегда это был один и тот же сон.

Хвич, бессильно опустив крылья и втянув голову в плечи, сидел в противоположном конце длинного узкого коридора и пристально смотрел на меня. Я звала его, что-то говорила, предлагала кровь, но он не откликнулся — все такой же отрешенный, неподвижный и нахохлившийся, похожий на большую печальную птицу. А когда я пробовала добежать до него, коридор резко сворачивал в сторону, горгул пропадал, я просыпалась и долго не могла прийти в себя.

Сидела, уставившись в темноту за окном, и корила себя за то, что не настояла на встрече с ним, не помогла. Хотя... Не думаю, что Айтон позволил бы нам встретиться.

— Госпожа Бэар, — окликнул меня на очередном привале лэйр Виаст.

Мне нравился этот молодой мужчина — подтянутый, невозмутимый, сосредоточенно-уверенный. Нравился спокойный, внимательный взгляд его серых глаз. И отношение ко мне тоже. Маг никогда, ни фразой, ни жестом не показал, что презирает или ненавидит меня. Держался подчеркнуто учтиво, мягко, мне даже казалось, что ему приятно со мной общаться.

На второй день пути я не выдержала, спросила прямо:

— Лэйр Виаст, почему вы так себя ведете?

— Как так? — вскинул он брови.

— Заботливо... уважительно... — я старательно подбирала слова. — По-доброму. Вы ведь один из доверенных людей лорда Айтона, если не ошибаюсь, и не можете не знать, как мы расстались. Наверняка слышали, что меня обвиняют... — я запнулась, но потом четко произнесла: — В предательстве.

— Мне это известно, — подтвердил маг серьезно. — Именно поэтому так себя и веду. — Слабо усмехнулся в ответ на мое недоумение. Пояснил: — Вы не видели, но я много раз сопровождал вас на прогулках с лордом-протектором. Наблюдал, как вы общаетесь, составил свое мнение. И оно не изменилось даже после случившегося...

недоразумения.

Повисла пауза.

– Ну а еще, мне о вас рассказывал мой друг, Рик Харт. Замечательная самоотверженная девушка из его историй просто не может быть злодейкой, – закончил лэйр почти весело.

– Спасибо... – прошептала сдавленно.

– Потерпите, госпожа Бэар, – маг легко коснулся моей руки. – Все выяснится, так или иначе. Лорд-протектор ранен, слаб, а сильные снадобья, которые он сейчас принимает, не очень-то способствуют ясности рассудка. Ему тоже тяжело, поверьте. На него давят... – Виаст на мгновение замолчал, словно почувствовав, что сказал лишнее. – Дайте ему время, он обязательно во всем разберется.

Я кивнула и отвела взгляд. Обида на Айтона не прошла, как бы маг ни объяснял его действия, и обсуждать поведение высшего не было желания.

После этого разговора, мы с лэйром если и не подружились, то начали общаться вполне тепло и непринужденно. Меня порадовало известие, что именно ему поручено проследить, как мы устроимся в имении и оставаться рядом столько, сколько потребуется. С ним мы точно поладим.

Вот и сейчас при виде Виаста все грустные мысли если не улетучились, то отошли на второй план. И я с улыбкой повернулась к мужчине.

– Предлагаю сегодня больше не останавливаться, – объявил маг, подойдя ближе. – После обеда свернем с основного тракта и, если нигде не задержимся, на закате приедем в Товиль. Там и переночуем. Вы не против?

– Хорошо.

Ну вот, вечером Нэсса наконец-то встретится с родными, и завтра мы отправимся дальше уже без нее.

Хвала Каари...

Глава 2

Во второй половине дня лес стал реже. В сумерках мимо промелькнуло несколько деревенок, потом экипаж прогрохотал по мосту через быструю, говорливую речку.

Нэсса, с каждым часом казавшаяся все напряженнее и мрачнее, подобралась и выпрямилась так, словно хотела макушкой дотянуться до потолка кареты. Похоже, она не очень-то радовалась предстоящей встрече с родителями. Или ее беспокоило, как они примут Талима?

Наконец, деревья расступились, и мы выехали к озеру, на другой стороне которого, на пригорке, раскинулся Товиль – усадьба родителей Нэссы.

Аккуратный дом с полукруглым эркером и колоннами, уютные огоньки в окнах, широкая деревянная лестница, сбегавшая к воде, лодка у самого берега и небо, усеянное крупными звездами. Тишина, покой, умиротворение. Война, и правда, пронеслась мимо этого небольшого, затерянного в лесах имения. Наверное, утром, при свете дня, выяснится, что здание давно не ремонтировалось и основательно обветшало, да и краска кое-где облупилась. Но сейчас, к счастью, темнота скрадывала все недостатки.

Отец Нэссы, лорд Регит ли Торай, не был герцогом – «всего лишь» маркизом, но богатым и довольно влиятельным. Даже мой отец считал его положение достаточно высоким, а союз с ним – выгодным, чтобы просить для своего единственного сына и наследника руки Эниссы ли Торай. Не сомневаюсь, в довоенные времена в лесном поместье – не самом роскошном и далеком от столицы – маркиз, если и показывался, то очень редко, а теперь это, наверное, все, что у него осталось.

Лэйр Виаст заранее послал вперед мага и нескольких воинов – проверить, все ли в порядке и предупредить о нашем приезде. Час назад маленький отряд вернулся с донесением, что ничего подозрительного в поместье не обнаружено, посторонних людей нет, следов магии также, и гостей уже ждут.

Нас, действительно, ждали. Несмотря на поздний час, почти все окна первого этажа были освещены, а как только повозка приблизилась, ворота спешно распахнулись, и по двору забежали слуги с факелами.

Мы вышли из кареты, огляделись и направились к крыльцу, с которого нам навстречу уже спускались хозяева.

Маркиз – все еще статный, но уже начавший грузнеть и лысеть мужчина, – шел первым, на несколько шагов опережая супругу. Леди Олиция торопилась следом, то и дело с любопытством и нетерпением выглядывая из-за спины мужа. Белокурая, голубоглазая, она когда-то слыла одной из первых красавиц Кайнаса, говорят, даже покойный король проявлял к ней интерес. Нэсса внешне пошла именно в мать.

– Добро пожаловать в мой дом, господа.

Ли Торай первым делом направился к лагорцам, поприветствовал их и лишь затем повернулся к нам с мамой.

– Леди... Гестина, Аэлаисса, рад встрече.

Он чуть заметно запнулся на обращении, но решил все-таки не называть ни титула, ни фамилии, а ограничиться лишь именем. По очереди галантно приложился к маминой руке, к моей и коротко, почти сухо поздоровался с дочерью:

– Энисса...

А вот его супруга своих чувств не скрывала. Она едва кивнула гостям и тут же бросилась обниматься с дочерью.

– Девочка моя, жива... здорова. Как же я рада... А малыш? С ним все в порядке? Как дорогу перенес? – она окинула внимательным взглядом люльку, которую держал один из лагорцев, и тут же засуетилась. – Ну что же мы стоим? Идемте скорее.

– Прошу вас, – подтвердил ее муж, радушным жестом указывая на вход.

Нас проводили внутрь. Нэсса достала из колыбели Талима, и Олиция тут же закружила-запричитала над ребенком, а потом увела дочь с внуком в свои покои. Нам с мамой показали выделенные спальни, дали время привести себя в порядок, и пригласили в столовую.

Лагорцы осмотрели наши комнаты, оставили возле дверей охрану, а потом заняли одноэтажный флигель недалеко от конюшни и ворот, в доме ночевать они отказались. Задержался только лэйр Виаст, да и то лишь на ужин.

Мы ели, делились столичными новостями... Застольное пустословие ни о чем – основной разговор состоится позже, в кабинете. Поэтому я большей частью молчала, предоставив маме и немного прибодрившейся Нэссе отвечать на вопросы, а сама следила за ли Торам. Хотелось понять, кому я оставляю племянника.

Я плохо знала маркиза, мы и виделись-то всего несколько раз, включая свадебную церемонию Нэссы и Талима. Лорд Регит тогда показался мне спокойным, чуть надменным, уверенным в себе человеком. Сейчас он растерял былую важность, то и дело бросал на сидящего неподалеку Виаста неуверенные, почти испуганные взгляды. Но не это меня смутило – все аристократы так или иначе опасались магов-победителей, я к этому уже успела привыкнуть.

Ли Торая что-то тяготило, грызло изнутри. Время от времени он вскидывался как-то невпопад, а потом морщился досадливо и затихал. Словно собирался сказать что-то важное и не решался.

И это мне не нравилось. Очень.

Постепенно беседа угасла. Мы слишком устали, чтобы долго поддерживать светскую болтовню, а хозяевам явно не терпелось поскорее узнать о цели нашего визита. Так что ужин закончился в тишине, после чего все быстро перешли в кабинет маркиза.

Мы с мамой расположились на диване возле маленького столика, леди Олиция и Нэсса – в креслах напротив. Ли Торай остановился за спиной жены, положив руки ей на плечи, а лэйр Виаст отошел к стене и замер там, в углу, в тени высокого книжного шкафа, так что его и видно почти не было. Любят все-таки маги прятаться в темноте. Все, даже простые, не высшие.

Служанка принесла напитки и фрукты, к которым, впрочем, никто так и не притронулся. После того, как она удалилась, плотно прикрыв дверь, маркиз кашлянул, посмотрел на маму... на Нэссу... снова перевел взгляд на маму... Как будто гадал, кто в нашей маленькой семье принимает решения.

– Слушаю вас, леди Гестина, – выбрал он все-таки. И ошибся.

Разговор начала я.

При первых звуках моего голоса, маркиз, не сдержавшись, недоуменно вскинул брови. Это для своих я за несколько месяцев незаметно стала главной, и все они, даже Нэсса, безоговорочно признавали мое право объясняться от их имени. Для ли Торая же я по-прежнему оставалась самой младшей. Юной, трепетной незамужней девушкой, которая, в силу положения и возраста, мало что знает и понимает.

Так что сначала лорд Регит очень удивился, словно с ним внезапно заговорила ожившая кукла. Даже позволил себе снисходительно улыбнуться. Потом вслушался, посерьезнел и дальше ловил уже каждое слово, тем более, что ни леди Гестина ни его собственная дочь не торопились прерывать «девочку».

Не вдаваясь в ненужные подробности, я известила маркиза о том, что мы с мамой возвращаемся в имение. Что там произошло за время нашего отсутствия, неизвестно, возможно, придется восстанавливать разрушенную усадьбу и разоренное хозяйство. Скорее всего, будет тяжело. А Талим еще совсем крошечный, везти его с собой неизвестно куда – значит, подвергать ненужной опасности. Поэтому мы просим ли Тораев приютить у себя дочь с внуком и надеемся, что нам не откажут.

О договоре с высшим, о том, что произошло перед нашим отъездом, рассказывать не стала. Если невестка пожелает, пусть сама потом все родителям докладывает. Уверена, она придумает красочную душеспасательную историю, в которой выставит меня расчетливой негодяйкой, а себя – несчастной страдальцей и невинной жертвой. И о том, что племянник – темный, пока промолчала. Нас с мамой об этом еще в дороге попросила Нэсса.

– Потом сообщим, перед вашим отъездом. Пусть они немного пообщаются с внуком, привыкнут к нему. Узнают Талима поближе и обязательно полюбят его всем сердцем. Тогда уж точно не смогут отказаться. Я уверена, – невестка нежно погладила спящего сына по голове.

Что ж... Наверное, она права.

Когда я закончила говорить, в кабинете повисла пауза. Ли Торай, закусив губу, о чем-то напряженно размышлял. Я ему не мешала.

– Э-э-э... – отмер, наконец, мужчина, осторожно косясь в угол, где все еще скрывался почти невидимый лэйр.

Я хорошо понимала маркиза. В моей истории, при желании, можно найти много неувязок. А, главное, так и не ясно – почему нас, «простых» варриек, сопровождает целый отряд лагорцев, да еще и под предводительством магов? Этот вопрос, судя по всему, и пытался сейчас как-то поделикатнее озвучить лорд Регит.

– Э-э-э, – повторил он еще раз, но тут леди Олиция, не выдержав, прервала «содержательную» речь мужа.

– Разумеется, приутим, даже не сомневайтесь, – зачастила она и, перегнувшись через подлокотник, доверительно наклонилась к сидевшей неподалеку дочери. – Девочка моя, я так рада, что вы с Талимом остаетесь. Он замечательный мальчик, и почти совсем не плачет. Только смотрит серьезно-серьезно, и взгляд такой умненький. Чудесный малыш!

Она восторженно всплеснула руками.

Нэсса согласно улыбнулась и приосанилась, в глазах ее светилась материнская гордость. Ну вот, похоже, дамы уже договорились, и у Талима появилась еще одна верная поклонница.

А вот маркиз восторгов жены и дочери почему-то не разделял.

– Если вы считаете, что так лучше... – неопределенно протянул он. – Что ж... Пусть остаются. Он наш единственный внук... Да, внук... Конечно, мы не против.

Ли Торай бросил еще один беглый, испытующе-настороженный взгляд на мага, и на лице его промелькнуло непонятное выражение. Неуверенность, испуг, сожаление, даже отчаяние быстро сменяли друг друга. Но все это длилось не больше мгновения. Лорд Регит поспешно отвернулся и перевел разговор на другую тему.

– Как долго вы планируете задержаться у нас, леди? Путь неблизкий. Может, погостите пару дней?

Мы поблагодарили, отказались, сообщили, что завтра покидаем их, обсудили детали отъезда и, пожелав хозяевам спокойной ночи, откланялись.

Виаст молчаливой тенью следовал за нами, и, как только дверь в кабинет маркиза закрылась за нашими спинами, я тут же придержала его за локоть.

Хотелось обсудить с магом то, что весь вечер не давало мне покоя – странное поведение хозяина Товиля.

Больше всего я боялась, что маг отмахнется от моих слов, не придаст особого значения смутным предчувствиям и сомнениям «впечатлительной аристократки». Но Виаст, вопреки опасениям, внимательно выслушал мою сбивчивую речь и неожиданно согласился.

– Необычно себя вел? – переспросил он задумчиво. – Знаете, мне тоже показалось, что хозяин дома как-то слишком уж переживает, волнуется. Нервно переплетенные пальцы, дрожание которых он безуспешно пытался скрыть... Бегающие глаза... Капельки пота над верхней губой... – надо же, лэйр даже такие мелочи из своего темного угла ухитрился заметить. – Такое ощущение, что у него в подвале хранятся несметные сокровища или, что более правдоподобно, затаилась пара-тройка заговорщиков из чистых, и маркиз очень боится, что их отыщут.

Мужчина усмехнулся, но тут же снова посерьезнел.

– Мы все тщательно проверили, и не один раз. Поместье совсем маленькое, здесь негде особо прятаться. Разве что... – он на мгновение запнулся. – Укрыться с помощью магии. Но чтобы обмануть моих людей нужны очень мощные артефакты. Если в этой глуши и затерялась случайно горстка чистых, вряд ли у них нашлись бы амулеты подобной силы... Жаль, что среди нас нет ни одного высшего...

Виаст с сожалением качнул головой и твердо закончил:

– Мы сейчас еще раз внимательно все осмотрим. Каждый закоулок. Идите к себе, госпожа Бэар. Я зайду, как только закончу обход.

– Хорошо, – не стала я спорить. – Только сначала поговорю с Нэссой. Вдруг ей что-то известно.

– Полагаете, она вам скажет? – скептически вскинул брови Виаст. – Насколько я успел заметить, вы с родственницей не в самых теплых отношениях.

– Даже не сомневаюсь, что не скажет. Но если она что-то скрывает, я замечу. Пойму по ее поведению. Нэсса всегда была плохой актрисой.

Невестку я обнаружила в комнатах леди Олиции и, оторвав от совместного воркования над кроватью Талима, под благовидным предлогом вызвала в коридор. Услышав мой вопрос, женщина тут же исполнилась праведного негодования. И, судя по всему, не лукавила.

— Если бы нам грозила опасность, отец никогда не стал бы от меня скрывать, — она с вызовом сложила на груди руки. — Он любит меня и не позволит обидеть. Просто он очень переживает, и его можно понять. Раньше папе не приходилось сталкиваться с магами. Я имею в виду, со свободными магами. И с темными. Ничего, привыкнет, ведь теперь у него есть Талим. А что касается чистых... Ты же знаешь, отец не военный, а финансист, и, в отличие от ли Нордов, в политических интригах никогда не участвовал. Он и от войны-то сбежал, предпочел спрятаться в этой глуши, — она поморщилась. — Раньше я его осуждала, считала слабым и малодушным.

Ну, людям свойственно меняться, особенно в такое вот непростое время. В любом случае, Нэссе я об этом говорить не стала. Было видно, что она, как и я, не в курсе того, что происходит в доме.

Я поднялась в спальню, но оставаться в одиночестве не смогла. Ушла к маме, которая делила комнату с Уной. Так вдвоем мы и сидели, тихо переговариваясь, пока не вернулся Виаст.

Лагорцы не обнаружили в поместье ничего подозрительного, но все же решили усилить патрули и выставить в воротах и на конюшне охрану. А нас маг попросил держаться вместе и не расходиться по разным покоям.

— У вас большая кровать, госпожа Бэар, — повернулся он ко мне. — Вдвоем вполне поместитесь. А служанка займет диван. Выедем, как только рассветет.

На том и договорились.

Ночь прошла беспокойно. Мама с Уной давно спали, а я все ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. Наконец, после полуночи кое-как задремала, измотанная и уставшая, и тут же увидела Хвича.

Горгул взволнованно топорщил крылья, клекотал и пытался сказать что-то очень важное. Но я так и не уловила ни слова. Понять мыслеречь мешал низкий протяжный гул, который никак не хотел прекращаться...

А потом я внезапно проснулась. От того, что на лицо, плотно зажав рот, опустилась твердая широкая ладонь.

Распахнула глаза, пытаюсь сообразить, что происходит. А потом увидела склонившегося над моей кроватью Сэлмона ли Парса и судорожно рванулась, пытаюсь освободиться.

Мужчина тут же предостерегающе зашипел:

— Т-с-с, тихо, Эли... Тихо, милая... Тихо... Лежи смирно. Поднимешь шум, сделаешь только хуже.

Покосилась на маму, спокойно спящую рядом. Странно, обычно у нее очень чуткий сон. И Уна мирно сопела на своем диване. Почему они не проснулись?

– Отвар листьев вуаба, – пояснил Сэлн, проследив за моим взглядом, – Стоит брызнуть на лицо, и сон станет очень глубоким, – булькнул он коротким тихим смешком. – Пообещай спокойно выслушать, не кричать, и я все объясню. Если согласна, кивни, я сразу тебя отпущу.

Сжала кулаки, но упрямыться не стала. Медленно кивнула, и ли Парс тут же убрал ладонь.

– Вот и хорошо. Ты всегда была умной девочкой.

– Сэлн... – я подобралась, приподнимаясь, но встать мне не позволили. Легкий толчок в грудь, и я упала назад – Что ты здесь делаешь? Что вообще здесь творится? Как ты прошел мимо охраны и...

– Ли Норд в поместье.

– Отец?! – я снова вскинулась, и мои руки сдавили в запястьях, пригвождая к постели. – Но как?.. Как ему это удалось? Маги все проверили.

– Ваши маги – щенки по сравнению с герцогом, – зло ощерился Сэлн, но потом все же снизошел до подробностей. – Артефакт, новая разработка храмовников. Он блокирует магию. Всю... ну, почти всю... Высших амулет просто сильно ослабляет. Но это пока. Жрецы занимаются этой проблемой и скоро решат ее, не сомневайся. Как видишь, мы не сидели, сложа руки, и за это время тоже кое-чему научились,

Он вскинул голову, словно прислушиваясь, хотя в доме царила удивительная, просто-таки мертвая тишина, удовлетворенно улыбнулся и продолжил:

– Герцог знал, что вы приедете, и ждал, а маркиз помог ему спрятаться. Нас намного больше, а у твоих новых друзей нет больше магии. Их ты вряд ли уже спасешь, а вот себе и матери еще можешь помочь. Если поведешь себя правильно. Ли Норд велел мне усыпить вас троих, но я решил прежде все же поговорить с тобой.

Сэлн остановился, давая мне время осознать все, что он сказал.

– Чего ты хочешь?

Ли Парс досадливо поморщился.

– Твой отец просто помешался на внуке. Постоянно твердит, что это знак, и сама пресветлая Каари послала ему нового наследника, вместо погибшего сына. Еще и имена одинаковые... Именно за мальчиком он и пришел. Ты и леди Гестина... Вы ему не нужны. Он собирался уничтожить вас обоих, но я уговорил его отдать тебя мне.

– Что?

Снова дернулась, и Сэлн, перехватив одной ладонью обе мои руки, поднял их вверх, за голову. Наклонился ниже и зашептал лихорадочно, обжигая горячим дыханием кожу:

– После нашей последней встречи я все время думал о тебе, не мог выбросить из головы, как ни пытался. Ты превратилась в невероятно привлекательную женщину, Эли, манящую... желанную...

Чужие пальцы, подрагивая, погладили меня по волосам... лицу...

– Я не обижу тебя, не бойся. Скоро мы отвоюем Варрию, и я куплю тебе домик в Кайнасе, стану навещать. В жены не возьму, прости, а в остальном... Или, хочешь, уедем за границу, к матери? Я...

– купишь мне там еще один домик? – вырвалось у меня горькое.

– Не нравится? – прищурился ли Парс. – Но ведь твой высший тоже жениться не обещал, так ведь? А ты охотно с ним легла, не отказала в своей благосклонности. Чем я хуже? И благодарить тоже умею...

Его губы коснулись виска, настойчиво скользнули по щеке, отвратительным, липким насекомым спускаясь к шее, и я резко отвернулась. Как я могла раньше терпеть его поцелуи? Сейчас они были мне не просто противны – омерзительны до тошноты.

– Что, неприятно? Привыкнешь...

– Если я тебе не безразлична, помоги нам уйти. Выведи отсюда. Я ведь помогла тебе в Кайнасе.

У меня давно не осталось никаких заблуждений по поводу благородства бывшего жениха. Но попробовать все равно стоило.

– И куда же вы пойдете? – выпрямился мужчина. – В лесу... Одни... Не зная ни направления, ни дороги... Все равно далеко не убежите. А ли Норд придет в ярость и тогда уже точно не пощадит никого из вас.

Сэлмон отпустил мои руки, встал, посмотрел сверху вниз.

– Думай, Эли. Решай. Только быстро, времени у тебя совсем немного, скоро за вами придут. Покориться воле отца и согласиться на все, что он предложит – твой единственный шанс. Со мной у тебя, по крайней мере, есть надежда выжить и спасти мать...

Он не спеша направился к двери, но у самого порога обернулся.

– Кстати, можешь считать то, что я не усыпил тебя, как приказано, а обо всем рассказал и дал возможность подумать, благодарностью за мое спасение. Теперь мы квиты, больше я тебе ничего не должен.

Вышел и запер за собой дверь.

Глава 3

Пока ли Парс отсутствовал, я успела привести себя в порядок, разбудить маму с Уной и кратко рассказать им, что творится в доме.

Известие о том, что отец жив, мама приняла с каким-то мрачным спокойствием. Ни

радости, ни облегчения — лишь горькая усмешка в уголках губ, отвращение на лице, когда она слушала историю нашей встречи в Кайнасе, и странная решимость во взгляде, которая мне очень не понравилась.

А вот Уна оказалась более разговорчивой.

— Мерзавец, — бушевала служанка. — Мелкий, мстительный... дождался-таки своего часа, подлец, чтобы укунить побольнее.

Мама ее не останавливала. Притянула меня к себе, обняла, шепнула на ухо:

— Он не тронет тебя. Я не позволю ему, слышишь? Не позволю...

Сэлн вернулся часа через три в сопровождении рослого охранника, оставил сопровождающего за дверью, а сам прошел в комнату. Обвел нас острым взглядом, коротко, но, впрочем, довольно вежливо поздоровался с мамой, несколько мгновений, не отрываясь, смотрел на меня, словно пытался угадать, что я же решила, а потом предложил следовать за ним.

В усадьбе было пустынно и тихо, во всем доме царила неестественная звенящая тишина. На миг показалось, что все его обитатели просто мирно спят, но пятна крови на стене возле спальни тут же разрушили эту иллюзию.

Что с лагорцами? Неужели убиты? А лэйр Виаст? Не хотелось верить в то, что его больше нет. Может, хоть кому-то из магов удалось спастись, уйти в лес, и у них получится добраться до своих или вызвать подмогу?

Коридор... Лестница... Еще один коридор... Кабинет маркиза...

С вечера там ничего не изменилось, и люди собрались все те же, только место мага занял его светлость герцог Лиммер ли Норд. Мой отец. Нет, он не стоял у шкафа, скрываясь в тени, а по-хозяйски расположился в кресле за письменным столом, небрежно положив ногу на ногу. Кроме герцога из присутствующих сесть не посмел никто — все стояли перед ним чуть ли не на вытяжку. И вмиг постаревший ли Торай, и его жена, испуганная, растрепанная, и хмурая Нэсса.... Не хватало только нас с мамой.

— А вот и мои дорогие девочки, — проскрипел отец, когда мы появились на пороге. — Верная жена и любящая дочь. Гестина, разве вам не положено бросаться мне в ноги рыдая от счастья? Ваш супруг и господин, хвала Каари, вернулся с войны живой и здоровый. Или... уже не чаяли свидеться и остолбенели от восторга?

И таким ядовитым сарказмом сочился его голос, что я невольно передернула плечами, словно по комнате пронесся ледяной сквозняк. А мама лишь молча выпрямилась и вскинула подбородок.

— Сэлн, а ты что там топчешься? — продолжил герцог. — Проходи, не стесняйся. Все, что я скажу, и тебя тоже касается. А вы, оба, прочь, — махнул он охранникам. И, когда те исчезли, с улыбкой, больше напоминавшей волчий оскал, повернулся к нам. — Что ж... Вижу, никто не собирается ликовать по поводу моего воскрешения, так что перейдем сразу к делу. Теперь, когда вся наша большая дружная семья, наконец, в сборе, позвольте объявить о том, что всех вас ждет в ближайшем будущем.

Ничего нового для себя я не услышала. Нет, у меня оставалась надежда... маленькая надежда, что он не поступит так со своей дочерью... Но этой надежде не суждено было сбыться.

Мне предлагалось стать любовницей герцога ли Парса и всячески ублажать неутомимого борца с проклятыми лагорскими захватчиками в постели.

— Если уж мальчик так тебя хочет, пусть потешится, ничего не имею против. Все равно ты уже больше ни на что не годишься, — так это звучало из уст герцога. Называть его отцом язык больше не поворачивался.

Маме разрешалось жить при мне.

— Раз уж Сэлмон готов кормить ее и содержать, пусть отработает... служанкой. А Эниссу с внуком я забираю с собой, — закончил ли Норд и тут ожил маркиз.

У него даже хватило смелости шагнуть вперед.

— Вы обещали, что не тронете мою дочь... Поклялись, что ни с ней, ни с ребенком ничего не случится. Именно поэтому я и согласился помочь.

— Ну, если бы сглупил и не согласился, тебя бы просто-напросто убрали, ли Торай, — ехидно парировал герцог. — Тебе и так слишком долго, я бы сказал, преступно долго удавалось оставаться в стороне. Ты или с одними, или с другими, или труп. Именно так это всегда и бывает. Что же касается Эниссы и Талима... Мальчик — мой наследник, последний, в ком течет чистая кровь ли Нордов. Он будущий герцог, и я воспитаю его достойным приемником титула. А там, кто знает... Королевская династия пресеклась, и, когда мы освободим Варрию, я еще поборюсь за престол... Поверь, шансы у меня есть. И немалые.

Он перевел взгляд на бледную, как мел, Нэссу.

— Ребенок нуждается в матери, и Энисса обязана жить рядом с сыном. Ничего страшного с твоею дочерью, не случится, ли Торай. Ее долг — заботиться о моем внуке, а уж я позабочусь о ней. Мужа хорошего найду. Да вот хоть ли Парса, — герцог хохотнул и повернулся к Сэлну: — Хочешь породниться с новыми правителями Варрии, сынок?

Сэлмон ничего не ответил, но и удивленным он не выглядел. Значит, они уже обсуждали подобную возможность.

А вот Нэсса не сдержалась. Качнулась вперед, пискнула что-то дрожащими, непослушными губами и задохнулась, хватая воздух ртом.

— Что, не ожидала? — ли Норд, видимо, принял ее потрясение за искреннюю радость. — Привыкай, девочка. Сейчас на базу приедем, размещу вас с внуком по-королевски. Только сначала храмовники малыша проверят... Пустяковая формальность... Ясно же, мой внук рожден с благословения Каари, и по-другому быть просто не может...

Нэсса горестно застонала и уставилась на меня совершенно безумным взглядом.

— Эли... — прохрипела она жалобно — Эли...

Маркиза рванулась к дочери, попыталась обнять, но та нетерпеливо мотнула головой

и сбросила ее руку, все это время не переставая смотреть на меня. Требовательно. Просительно. Отчаянно. Как будто я единственный человек в мире, который способен хоть как-то изменить ситуацию.

– Эли...

Мне было невыносимо жалко... Нет, не невестку – крошечного племянника. Я не представляла, как поступит герцог, когда узнает, что его собственный внук, единственная надежда на продолжение рода, появился на свет благодаря вмешательству тьмы. Скроет этот постыдный факт или показательно накажет всех, включая ни в чем не повинного ребенка? С Нэссы станется заявить, что ее насильно заставили, и свалить все на нас с мамой.

Я лихорадочно подыскивала слова, доводы и... не находила. Как убедить ли Норда оставить внука здесь, пусть на время, если он именно за мальчиком и явился?

Леди Олиция прижалась к мужу, спрятав лицо у него на груди. Нэсса нервно кусала губы, и глаза ее быстро наполнялись слезами. А Ли Норд уже начинал хмуриться – сначала недоуменно, потом гневно. Невестка, вопреки ожиданиям, не торопилась падать в обморок от счастья, и это его явно разозлило. И тут заговорила мама.

Ее голос, тихий, странно спокойный, расколол повисшую в комнате тишину, которая с каждым мгновением становилась все более напряженной. Почти осязаемой.

– Мне не нравится твое предложение, Лиммет.

Холодная отстраненность, уверенность...

То, что мама прилюдно назвала герцога на «ты», интонация, смысл ее слов – все это было так не похоже на прежнюю скромную, благонравную леди Гестину, что я удивленно замерла.

– И что же тебя не устраивает, моя драгоценная супруга? – склонил голову на бок ли Норд. Похоже, он единственный в этой комнате наслаждался создавшейся ситуацией.

Мама не обратила внимания ни на издевательский тон, ни на подчеркнутое ответное «тебя».

– Бесполезно сейчас напоминать о том, кем ты был до нашей свадьбы, и кем стал, получив мои титул земли и состояние. И о клятве, что ты дал моим родителям... Той самой, которая явилась условием твоего принятия в семью, говорить тоже глупо. Я уже давно поняла, что ждать от тебя верности слову не приходится. Поэтому просто предлагаю сделку...

– Сделку? П-ф-ф, – небрежно отмахнулся ли Норд, – Ерунда. Какая...

Мама опять словно и не заметила, что ее прервали.

– Ты отпускаешь нас с дочерью, – быстрый взгляд в сторону Нэссы. – Оставляешь в покое внука, хотя бы на время. Малышу пока безопаснее жить здесь, а не в лагере чистых, с этим даже ты не станешь спорить. А я...

– И что же ты? – ехидно оскалился герцог. – Что ты можешь мне еще предложить?

Нищая, лишенная всего, что имела... Даже на твои увядшие прелести теперь уже никто не польстится.

Какие еще гадости выдумал бы ли Норд, не знаю. Мама просто не стала его дальше слушать.

– Сокровище Сеоров, – произнесла она просто.

Герцог вздрогнул, наклонился вперед, впиваясь в жену взглядом, точно намеревался проткнуть ее насквозь. И мама, кивнув, подтвердила:

– Мне известно, где оно спрятано.

Сокровище Сеоров. Конечно же, я слышала о нем, как и всякий житель страны.

После смерти старого короля, с которым мой дед дружил с детства и советником которого оставался всю жизнь, выяснилось, что большой королевский венец – символ власти и могущества правящей династии – бесследно исчез. Поговаривали, что его величество Кеван Седьмой недолюбливал сына, разочаровался в нем и хотел передать трон брату. Но брат покойного короля как-то подозрительно быстро скончался – на третий день после смерти своего высочайшего родственника. Дед подал в отставку, отказался от титула в пользу зятя и покинул столицу. А на трон взошел юный наследник, правой рукой которого стал новоиспеченный герцог ли Норд, мой отец.

Нового монарха короновали срочно изготовленным для церемонии малым венцом. А старый, прозванный в народе сокровищем Сеоров, безрезультатно искали много лет, но так и не смогли найти. И вот теперь оказывается, что мама все это время знала...

Ли Норд всегда славился тем, что умел быстро оценивать ситуацию и тут же реагировать. Вот и сейчас ему хватило мгновения, чтобы все для себя решить. Наверное, он уже представлял, как будет выглядеть большой королевский венец на его голове, придавая новому правителю веса и значимости в глазах варрийцев.

– Ли Тораев запереть в подвале, – бросил он Сэлну. – Эту... – небрежный жест в сторону Нэссы, – в комнату к ребенку. Охранять. Ее... – взгляд ли Норда переместился на меня.

– Элис останется здесь, – отрезала мама.

– Элис... Что за кухаркино имя? Помнится, мою дочь звали иначе, – скривился герцог, но все же нехотя кивнул и, заметив колебания ли Парса, раздраженно прикрикнул: – Выполняй.

Стоны, всхлипы, бормотание, причитания быстро стихли за дверью, и мы остались втроем.

– А я ведь спрашивал твоего папашу, и не раз. Но он уперся... Ничего не знаю, и все тут. Даже проверку артефактом прошел, – неприязненно процедил герцог. – Значит, старый хитрец все-таки меня обманул. Именно его Кеван назначил хранителем венца.

– Да, – мама по-прежнему была немногословна. – Тайник находится в имении. Без меня ты его все равно не откопашь, охранные заклинания завязаны на ауру нашего

рода. Я покажу и помогу достать, но в обмен мне нужны гарантии нашей безопасности. Твоему слову я не верю и...

Договорить мама не успела.

Рассветный полумрак за окном прорезала яркая вспышка. За ней еще одна... И еще... Во дворе гроыхнуло так, что уши заложило, и тут же раздалось тревожные крики и топот ног.

Вальяжная расслабленность ли Норда сменилась напряженностью. Он вскочил на ноги, подобравшись, как хищник, и тут дверь с треском распахнулась, пропуская внутрь запыхавшегося охранника.

— Ваша светлость, нападение...

Герцог отреагировал мгновенно.

— Головой за них отвечаешь, — бросил он на бегу, указывая на нас, и скрылся в коридоре.

Получивший приказ воин внимательно осмотрел комнату, сложил на груди руки и замер у выхода, не сводя с нас подозрительного взгляда. Мы дернулись было к окну, узнать, что происходит, но не успели сделать и шага, как в спины ударило угрожающе-резкое: «Стоять!»

Я упрямо мотнула головой — ну не убьет же он нас, в самом деле — и уже собиралась идти дальше, но тут опять что-то сверкнуло... Загрохотало еще сильнее, чем прежде.

Дом содрогнулся.

Новый толчок... Комната окуталась дымом и удушливой пылью, которая начала осыпаться с потолка. А потом по стене, той, где находились окна, зазмеились тонкие зеленые молнии, послышался треск, зазвенели стекла, и часть каменной кладки неожиданно исчезла. Опала вниз мелкой каменной крошкой, оставив после себя огромную дыру с рваными краями.

Воздух тут же наполнился гортанными криками, стонами, проклятьями, звоном железа и глухими ударами. Но все перекрыл взволнованный и такой знакомый голос:

— Госпожа Бэар... Элис?! . Вы здесь?

— Виаст... — я бросилась к магу, который вместе с двумя лагорцами шагнул в провал со двора, вцепилась в его рубашку. — Вы живы... Живы... А мне сказали, что всех убили.

— Не всех. Мы проверяли дорогу. Во время нападения в усадьбе нас не было, а потом... — Он стиснул зубы. — Пришлось отступать и выжидать.

— Главное, вы все-таки вернулись за нами...

— Вы сомневались?

В тоне лэйра скользнул холод, и я поспешила оправдаться.

– Нет-нет, я знала, что не бросите... Просто вы же могли уйти, вызвать подмогу, дождаться своих...

У меня никак не получалось разогнуть онемевшие пальцы и убрать от мага руки. Так, рядом с ним, почему-то казалось надежнее и безопаснее.

– Я сам ни с кем не связываюсь, обычно меня вызывают несколько раз в день. Но до обеда еще далеко, и, пока я медлил, вас бы убили. Ваша безопасность – мой долг.

Он мягко накрыл мои ладони своими, я благодарно улыбнулась и все-таки разжала пальцы.

– С вами все в порядке? – голос мужчины звучал теперь собранно и деловито.

– Да.

– Госпожа Тина?

– Я здесь.

Обернулась к маме и заметила, лежавшего на полу герцогского охранника, на груди которого стремительно расплывалось красное пятно.

– Элис, – Виаст снова потянул меня к себе, заглянул в глаза. – Сейчас мы пойдем к воротам. Быстро. Не отвлекаясь ни на что. Понятно? – дождался кивка и продолжил: – Держитесь за моей спиной. Не отставайте. Это важно. Мы обрушили часть дома и заперли основной отряд чистых внутри, но это ненадолго. Нужно успеть уйти лес, пока они не выбрались. Когда отойдем от усадьбы, ко мне вернется магия и станет легче.

– А вот это, – я неопределенно махнула рукой. – Разве не...

– Нет, это другое, – правильно понял меня лэйр. – У меня было несколько заряженных артефактов, но они уже пусты, так что придется рассчитывать только на себя. Мы сражаемся, вы бежите. Все ясно?

– Да.

– Вопросы есть?

Сейчас? Всего два.

– Уна?

– Ждет снаружи.

Спасибо, Пресветлая...

– А... Нэсса и Талим?

Виаст на мгновение замер.

– Нет, они в доме вместе с остальными, нам до них не добраться.

И тут же резко прикрикнул, не оставив мне времени ни на сострадание, ни на сожаление:

— Вперед!

И мы побежали.

Под блеск и звон клинков, свист стрел, конское ржание, вопли гнева и боли.

Мимо перекошенных в бешенстве лиц, хрипов умирающих и булькающей из рассеченного горла крови.

Сквозь град сыплющихся со всех сторон ударов, которые успешно отражала окружившая нас группка лагорцев.

По заляпанной кровью земле.

По дороге, скользнув от забора молчаливой тенью, к нам присоединилась Уна.

И когда до ворот оставалось не больше десяти шагов, мама вдруг коротко охнула, споткнулась и начала оседать на землю. Уна тут же поддержала ее. Я, еще не понимая, что происходит, подхватила маму под другую руку и... с ужасом увидела, что из ее спины торчит короткая стрела с черным оперением.

Вот тут я и закричала. Истошно, пронзительно, страшно. Силась перекричать все и всех и, прежде всего, собственную панику. Надеюсь... отчаянно надеюсь вырваться, наконец, из этого кошмара и вывести близких. Живыми. Во что бы то ни стало.

Крик жег меня изнутри, рвался наружу яростным призывом. И, словно отвечая на этот странный зов, пространство в центре двора закрутилось стремительным черным водоворотом, выбрасывая на плиты разъяренного Хвича.

Посеревший, какой-то изможденный, горгул выглядел измученным и больным. Но это не мешало ему свирепо скалиться, рычать, топорща каменные пластины на загривке, и храбро наступать на попятившихся при его появлении чистых.

Лихорадочно пылающий рубиновый взгляд отыскал меня в мешанине боя, скользнул по маме, тяжело обвисшей на наших руках, и фамилляр взревел, громко и возмущенно. Вытянулся во весь рост, увеличиваясь в размерах, растопырил лапы, и в наших противников с удивительной быстротой и точностью полетели каменные ядра, взрываясь и расплескивая черную горючую жигу. А Хвич уже неслся вперед, прорываясь к нам. Кромсая противников длинными изогнутыми когтями, как клинками.

Виаст моментально оценил обстановку. Несколько четких команд, и лагорцы тут же перегруппировались, разворачиваясь навстречу горгулу.

— К нему!

Отрывистый приказ в нашу сторону, жест, указывающий направление, и мы с Уной, поддерживая с двух сторон маму, побежали вслед за ним, к Хвичу.

— С раненой нам далеко не уйти...

Лэйр умудрялся не только отбиваться от чистых, прокладывая дорогу, но и давать короткие пояснения.

– Будет лучше...

Удар, и противник отлетает в сторону.

– Если фамильяр уведет вас тенями...

Разворот, выпад, еще один удар.

– Быстрее!..

Это уже Уне, которая споткнулась о булыжник и замешкалась, выпустив на миг мамину руку.

– Их слишком много, горгул долго не продержится... Один. Слабый еще... Сейчас они опомнятся...

Уже опомнились.

– Фамильяр, смотрите, фамильяр, – пронесся над двором изумленный ропот, быстро сменившийся... лихорадочной радостью.

– Ловите...

– Герцог будет доволен...

– Храмовники... искали...

– Для опытов...

– Несите сеть...

– Где она?..

– Где эта демонова сеть?

Раздавалось то тут, то там

Виаст ускорился, подгоняя наш отряд, но мы все равно не успели. В воздухе мелькнула широкая сеть, сотканная из каких-то странных, сияющих нитей, и упала на Хвича, накрывая его с головы до ног.

Горгул рванулся раз... другой... третий... Взыл протяжно и жалобно... Нити с каждым мгновением все сильнее впивались в его тело, раня, причиняя боль, ломая крылья.

– Хвич!..

Мой голос затерялся в шуме схватки, но, казалось, фамильяр все равно услышал. Поднялся... Ощетинился острыми зазубренными шипами... Красные глаза нестерпимо ярко полыхнули, и сеть повисла на каменных плечах рваными ошметками.

Горгулу удалось освободиться, но было видно, что это отняло у него много сил. Если у них есть вторая сеть...

— Скорее, — крикнул Виаст. Рванулся вперед, убирая с пути последних противников, и буквально впечатал нас троих в фамильярв. — Уходите...

— А вы?

— За нас не беспокойтесь... Выберемся.

Хвич рыкнул, и вокруг поплыл, за клубился серый туман, скрывая то, что происходит во дворе.

— Прощайте, Элис, — донеслось издалека слабым эхом.

Это было последнее, что я услышала, прежде, чем провалиться во тьму.

Глава 4

День сменялся ночью, потом наступал новый рассвет, а для него время как будто остановилось.

Утро...

Вечер...

Очередное утро...

С тех пор, как Элис исчезла из его жизни, в ней больше ничего не осталось, кроме тьмы, с которой ему с трудом удавалось справляться.

Хмурое лицо Сюфрэ с каждым днем становилось все более обеспокоенным и напряженным. Несмотря на все усилия целителя, прекрасную регенерацию высших и надежные, давно проверенные снадобья, лорд-протектор выздоравливал тяжело и недопустимо медленно.

Да, алхоры сильны, но не всемогущи. Ранить их сложно, но и такое — пусть очень редко — случалось. Иногда оказывалось, что у пострадавшего как раз в тот момент не было альтэ. В этом случае спасали специальные лекарства. Они поддерживали мага, облегчали его состояние, вливали столь необходимую энергию, а дальше тьма сама исцеляла избранника, вытаскивая его из небытия.

Сейчас же тьма отказывалась помогать. Это звучало дико, странно, неправдоподобно, но вместо того, чтобы мягко окутать раненного целебным коконом, подпитывая его силы, она больно жалила. Избегала контакта, отступала, яростно клубясь где-то на краю сознания. Словно наказывала своего носителя за что-то.

Хотя... Разве можно наказать сильнее, чем сделал это он сам? Собственноручно разорвал связь с той, которую больше всего на свете желал удержать возле себя. Всеми допустимыми способами. На максимально долгий срок.

Он каждый день повторял себе, что так лучше для всех – и в первую очередь для нее самой. Но все мысленные доводы ему самому казались неубедительными отговорками.

Он отпустил ее... Прогнал... Потерял...

Это важно. Остальное – жалкие оправдания.

В последние дни пред расставанием они виделись очень редко, слишком много всего навалилось. Участвовавшие нападения чистых, тревожные донесения о пропавших обозах, не вернувшиеся патрули... И наконец бой у южных ворот, когда выяснилось, что у храмовников появились новые амулеты, способные глушить магию. На высших они, слава Сахтару, почти не действовали.

Он справился. Отдал почти все силы, но справился. Правда под конец, когда он совсем выдохся, этот хыгов храмовник его все-таки достал. Но ничего... У него есть Лис. Его золотая найтири... альтэ. Вместе они укротят разбушевавшуюся тьму, как тогда, в их первый раз. Главное, чтобы она поскорее пришла.

Ждал он напрасно. Вместо Элис неожиданно появился Сол Чидлис. Заместитель Айтона, Тэйн, тоже оказался ранен, и крепость прислала Чидлиса, назначив его временно исполняющим обязанности лорда-протектора.

То, что произошло потом, воспринималось Айтоном сквозь зыбкое марево горячки, хмельной дурман лечебных снадобий и подступающее время от времени беспамятство.

Запись... Кольцо... Доказательства ее вины.

Он не верил. Не желал верить. За то время, что они провели вместе, он успел хорошо изучить Элис, чувствовал ее, как самого себя. Порой она что-то скрывала, умалчивала, лукавила и недоговаривала, но на предательство не пошла бы никогда.

Что-то не так... Во всем этот было что-то очень неправильное. Но Айтон не мог сейчас начать самостоятельное расследование, привлечь все доступные средства и силы. Хыг побери, он и лордом-протектором-то в данный момент не являлся.

А Чидлис упрямо настаивал на своем. Приводил свидетелей, разыскивал новые доказательства, требовал наказать, отдать под следствие, а главное – разорвать договор.

– Женщина, уличенная в заговоре против власти, не может оставаться альтэ лорда-протектора, олицетворяющего эту власть. Даже, если это всего лишь подозрения. Она обязана быть безупречна, – неотвязно твердил он. – Я уже не говорю о ее происхождении. Лорд-протектор не должен иметь ничего общего с дочерью ли Норда.

Ее происхождение.

Айтон подозревал, что именно в этом крылась причина настойчивости Чидлиса и его неприязни... почти ненависти к Элис. Тот малыш, которого выкрали и замучили по приказу герцога, был его младшим братом, и Сол буквально взбесился, когда узнал, кем приходится ли Норду новая альтэ Айтона.

Айт прекрасно знал о противостоянии между группами и группками в первом круге архов и хорошо представлял, что произойдет, если Сол раскрутит это дело. Скандал объединит всех его недоброжелателей, а там эта шакалья стая устроит на него такую азартную охоту, что не спасут ни статус, ни доброжелательное отношение совета. Все перевесит железный аргумент – связь с дочерью первого врага Лагора, которая помогает этому самому врагу. А уж представить все как акт государственной измены, не составит особого труда.

Даже если, в итоге, ничего толком не докажут, совет предпочтет, для сохранения равновесия и собственного спокойствия, лишить его всех званий и запереть в родовом поместье. Без права покидать его часто и надолго. Что тогда станет с Элис и представлять не стоит.

Тьма неистовствовала, Чидлис давил, упорно добиваясь своего, и грозя привлечь дознавателей из крепости, где у него имелось немало сторонников. А в воспаленном мозгу крутился червячок сомнения, подогреваемый ревностью.

Элис не предавала, он уверен, но вот ли Парс... Проклятый щенок ли Парс, ее внезапно оживший жених... А, что, если он ей, действительно, дорог? Важнее, нужнее, ближе самого Айтона? Вдруг она не случайно отказалась продлевать договор и мечтает о встрече с суженым там, в родном имении, и счастливой совместной жизни?

При мысли об этом кулаки сжимались сами собой, а тьма начинала сочиться смертельным ядом. Но... Может, и правда, так будет лучше?

И Айтон решился.

Он отпустит ее, дав все, о чем они договаривались, и даже больше. Возьмет клятву с Чидлиса, поставив безопасность Элис условием своего согласия. Как бы то ни было, она его альтэ, и кроме него никто не вправе решать ее судьбу.

В Кайнасе Лис оставаться не стоит, он отправит ее в имение, все равно она собиралась туда возвращаться. Даст охрану, магов, пошлет с ней своего самого близкого доверенного человека. В тех местах сейчас спокойно, и чистые там давно не появляются – слишком близко от границы с Лагором. А он немного окрепнет, вернет себе должность, проведет собственное расследование и непременно докапается до истины.

Когда он увидел ее, уставшую, растерянную, несчастную, еле сдержался, чтобы не бросится навстречу. Закрылся тенью, чтобы она не поняла, как ему тяжело. И все, что он говорил тогда своей лисичке, не дав даже возможности оправдаться, предназначалось не ей, а Чидлису.

Да, он был уверен, что поступает правильно. Но в тот миг, когда с ее запястья исчез нхоран, ему показалось, что из груди вырвали сердце, оставив вместо него зияющую, кровоточащую рану.

То, что она потом сказала... Он помнил все, до последнего звука. Да и как забудешь, если Элис каждую ночь приходила в его сны, снова и снова бросая в лицо горькие слова?

– Дурак, – первое, что он услышал от Хвича, когда они наконец встретились.

Горгулу сильно досталось в том сражении, как и Мишу, дракону Тэйна, и теперь их опекали и лечили другие фамильяры круга.

– Я докажу ее невиновность, дай только встать на ноги, – Айтон потрепал Хвича по голове. Так, как всегда делала Элис. – А потом поеду к ней, в имение. Даже если она там с другим... Пусть просто выслушает...

– Не простит, – покачал головой горгул. – Ты не поверил, не поддержал. Отрекся. – помолчал и снова убежденно повторил: – Дурак...

Дурак...

Лис уехала, и мир померк, утратив все краски. Тьма бушевала, не желала успокаиваться, несмотря на все лечение. Хвич дулся и не разговаривал. Он тосковал, как и сам Айтон, ему тоже не хватало Элис.

Рядом постоянно крутилась Верена, заботливая, внимательная, ласковая. Она все эти дни разрывалась между ним и братом. Невеста... Высшая... Мечта любого алхора... Айтон видеть ее уже не мог. И повода прогнать пока не находил. Для него она теперь стала такой же безликой тенью, как все вокруг.

Он оживал только несколько раз в день, когда беседовал с Виастом. Ждал, считал мгновения, оставшиеся до связи, и дотошно выпрашивал у помощника все до мельчайшей подробности.

А однажды на рассвете Хвич исчез. Прямо на глазах изумленных целителей, пока лорд-протектор спал, погруженный в лечебный сон. Навострил уши, прислушался, глухо зарычал, угрожающе растопырил крылья, и растекся туманом, уйдя теневой тропой.

Горгул не вернулся ни через час, ни через два. Не откликнулся на зов, и местонахождение его Айтон не смог определить, как ни пытался.

Когда наступило время разговора с Виастом, на вызов тоже никто не ответил.

– Сани, долго мне еще ждать? Тебя только за Сахтаром посылать, а не в погреб за соленьями, – донесся со двора зычный зов Ларки, дородной горластой трактирщицы. Хозяйки постоялого двора, где мы остановились.

Мама застонала, заметалась, потревоженная этими криками, и я вскочила со стула, торопясь к окну.

Затворила рамы – будет немного душно, но зато хоть чуть тише, – прислонилась лбом к стеклу и замерла, прикрыв глаза. Вспоминая все, что произошло за эти дни.

То, что с теневой тропой не все в порядке, я поняла почти сразу, как нас затянуло с портал. Тьма не окружала плотной, надежной стеной, как случалось раньше. Она походила на рваное одеяло, сплетенное из тонкого полупрозрачного

тумана и многочисленных прорех. С каждым ударом сердца дыр в этом ненадежном покрывале становилось все больше, а дыхание невидимого горгуля – все тяжелее.

– Не смог... – прохрипел он, наконец, полузадушено. – Трое... Не вытянуть... Прости...

Голос фамильяра постепенно удалялся, прерывался, выцветал. Я рванулась на звук, потянувшись к Хвичу свободной рукой, стараясь удержать, поддержать... Но пальцы наткнулись лишь на вязкую пустоту.

А потом сумеречное покрывало лопнуло, распадаясь на мелкие лоскутки, и мы полетели куда-то вниз.

– Ищи... Хозяина... Близко... – донеслось слабеющим эхом и все исчезло...

Очнувшись я на краю какой-то поляны в высокой траве под деревьями, недалеко от дороги, узкой, плохо укатанной и совершенной пустынной. Рядом с мамой и Уной. Они так и не пришли в себя, а я...

До сих пор с содроганием вспоминаю, как тогда металась, не представляя, что делать. Лечить я не умела, не знала даже, стоит ли вынимать стрелу или этим я только наврежу. Хорошо хоть обе дышали, это немного успокоило, но о том, чтобы тащить их куда-то, не было и речи. Оставалась одна надежда – искать помощь, и я бросилась со всех ног по дороге, надеясь встретить хоть кого-нибудь или выйти к жилью.

Мне повезло. Довольно быстро я добралась до тракта, а потом и до постоянного двора на краю маленькой придорожной деревни.

Весь багаж остался в Товиле, но у каждой из нас было с собой немного денег, зашитых в пояс дорожного платья. Моих полностью хватило на то, чтобы оплатить телегу с лошастью, комнату на десять дней вперед и услуги местной травницы.

Зора, строгая, немногословная женщина неопределенного возраста, с мягкими руками, легкой поступью и цепким, немигающим взглядом, хорошо разбиралась в своем деле и пользовалась в деревеньке непререкаемым авторитетом. Даже бойкая грубоватая Ларка слушалась ее беспрекословно, хотя травница никогда не повышала голоса.

Не задавая лишних вопросов – кто мы, откуда, как очутились на деревенской дороге и почему в таком состоянии, – она сразу занялась осмотром пострадавших.

Уну напоила восстанавливающим отваром, и пообещала, что уже к вечеру служанка очнется.

– Сил потеряла много, слаба, как новорожденный котенок, – пояснила Зора кратко.
– Ничего, и не таких поднимала на ноги... Завтра принесу настой горечивца, через неделю бегать будет.

С мамой все обстояло хуже.

– Повезло ей, девонька. Чуть выше бы... и все. А так, ничего важного не задето, но... Обещать не стану. Я всего лишь травница, хоть ремеслу своему и неплохо обучена. Лекарь ей нужен, а лучше маг-целитель. Знаешь о таких?

Взглянула на меня остро.

— Знаю, — кивнула, мельком удивившись, откуда о целителях известно простой деревенской травнице. — Только где их взять?

— Верно, негде, — качнула головой Зора. — До ближайшего города далеко, да и нельзя матушку твою сейчас перевозить. Что ж, значит, жди, молись и надейся, девочка. Пресветлая не оставит в беде. А я помогу чем могу...

— Сани! Да где же ты, негодная девчонка? Опять с подружками лясы точишь? Найду, уши-то надеру, лентяйка, — снова проорала с улицы хозяйка,

Мы находились здесь уже третий день. Уна начала потихоньку вставать, хоть и с большим трудом, ненадолго, но все же. А вот мама, наоборот, угасала на глазах. Несмотря на лечение и заботу Зоры, лучше ей не становилось. Если она и приходила в себя, то ненадолго, а потом снова впадала в беспамятство.

И от Хвича не было никаких вестей. Я упрямо пыталась докричаться до горгула — снова... снова... и снова... но так и не сумела. Где он? Куда его выбросило? Все ли с ним в порядке?

Уна... Мама... Хвич...

Я почти не ела, спала урывками, и даже во сне продолжала беспокоиться, метаться, звать фамильяра, хлопотать возле мамы.

А время шло.

— Сани, — не успокаивалась хозяйка.

Я потянула на себя раму, прикрывая плотнее, но вернуться на место не успела.

— Эли, — прошелестело от кровати. — Иди сюда... дочка.

— Как ты? — присела на край кровати, с тревогой вглядываясь в мамино лицо. Такое измученное, похудевшее.

— Хорошо...

Она все время это повторяла, когда приходила в себя. И улыбалась. Вернее, старалась улыбнуться. Но проходило десять минут... полчаса... час... И мама снова проваливалась в забытие.

— Я сейчас попрошу, чтобы кто-нибудь сбегал за Зорой.

Собралась подняться, но мама не дала, накрыла мою ладонь своей, легкой, невесомой, останавливая.

— Подожди, Эли... Нам надо... поговорить.

— Вот поправишься, тогда и поговорим. Обязательно, — согласилась я нарочито бодро. — У нас много дней впереди, еще успеешь поведать все свои тайны. Сейчас самое главное твое здоровье. Остальное не имеет значения.

– Имеет, – не отступала мама.

Когда дело касалось важных для нее вещей, тихая спокойная герцогиня Гестина становилась очень упрямой.

– Я и так слишком долго молчала... Надеялась... Думала, так будет лучше, и... боялась... – вырвалось у нее отчаянное признание. – Сначала за тебя... Потом твоего осуждения... Я бы не вынесла, если бы ты меня возненавидела. Или презирала. Прости мое малодушие... солнышко.

– Я бы никогда...

– Тс-с-с. Не перебивай, – мама сжала мою руку. Каждое слово давалось ей с большим трудом, но она упрямо продолжала. – Я боялась... да... Откладывала этот разговор... откладывала... А сейчас вдруг поняла, что могу больше не очнуться... Не возражай, – она снова стиснула мои пальцы. Требовательно и неожиданно сильно. – Следующего раза у нас с тобой может и не быть, и я не хочу, чтобы ты... потом... всю жизнь считала, что тот мерзавец... Что ли Норд имеет к тебе хоть какое-то отношение. Что в твоих жилах течет его дурная кровь... Не хочу, чтобы ты скрывала... Стыдилась того, чья ты дочь.

Она запнулась, прерывисто хватая ртом воздух, скользнула языком по пересохшим губам и потянулась к кружке с водой. Я помогла ей напиться, растворив в питье чайную ложку настоя горечивца, как учила меня Зора, и мама снова откинулась на подушки, переводя дыхание. Нам, действительно, повезло с травницей. Приготовленный ею напиток, казалось, влил в маму новые силы, у нее даже щеки порозовели. Жаль, что действие его скоро закончится.

– Вот...

Мама подняла мою ладонь повыше и, расслабив завязки на рубашке, вложила мне в руку серебряный кулон.

Сколько я себя помнила, она всегда носила это украшение, простенькое, совершенно не подходящее для герцогини, и очень редко его снимала. Однажды в детстве я спросила, что в этой подвеске такого особенного. И она со смехом ответила: «Ничего. Обыкновенная безделушка, но я к ней очень привыкла. Мой амулет, на счастье».

– Это медальон твоего отца... Настоящего... – мама настороженно взглядела в мое лицо. – Ты не удивлена...

Она не спрашивала, скорее, подтверждала очевидное, но я все же ответила:

– Нет.

Как ни странно, я, действительно, не удивилась. Наверное, внутренне давно готовилась к чему-то подобному. И сейчас, помимо горечи и тупой боли, испытывала... облегчение. Да, именно облегчение.

После всего, что случилось, в Кайнасе и Товиле, меня мучила, рвала на части мысль, что мой собственный отец готов был так поступить со мною. Без сомнений и сожалений, унижить, растоптать, убить. Как это возможно? Как?! Неужели он

настолько меня ненавидел? Но за что?

А теперь многое встало на свои места. Оставалось только узнать...

— Кто он?

Мама забрала у меня медальон. Погладила поверхность — ровную, гладкую, без единого узора.

— Ли Норд всегда интересовался этим амулетом. Пробовал открыть. Когда ничего не получилось, потребовал, чтобы я в его присутствии показала кулон жрецам. Но храмовники сказали, что здесь нет потайных замков. Дешевая поделка. Только тогда муж отстал. — Мама бледно усмехнулась. — На самом деле, медальон открывается, но лишь в моих руках. Не знаю, почему... Магия, наверное...

Она медленно обвела подвеску по контуру... Раз... Другой...

Что-то тихо щелкнуло, крышка отскочила, и я увидела синий самоцвет на ровной поверхности которого поблескивала знакомая фигура.

Многогранник. Такой же Айтон когда-то нарисовал на моем запястье... Нет, не такой — похожий да, но имелись и отличия. И все-таки, несмотря на разницу, сомнений не оставалось. Это тоже нхоран. Личная печать высшего.

А значит...

— Высший? — выдохнула я изумленно. — Мой отец — высший? И... как его имя?

— Не знаю...

Мама отвела взгляд, вздохнула чуть слышно, пряча скорбную складку у губ, и начала рассказывать...

Глава 5

Юная Гестина, единственная дочь герцога Сефриса ли Граджа была жизнерадостной, непоседливой и невероятно любознательной девушкой.

В роскошной столичной резиденции отца и в не менее пышной родовой усадьбе недалеко от Кайнаса, где постоянно собирались какие-нибудь важные гости, приходилось следить за каждым своим словом и жестом, изображать изнеженную, тихую, воспитанную леди, скучную и правильную. Дабы не опозориться самой и не бросить тень на безупречную репутацию родителей. И Тина с восторгом и затаенным нетерпением каждый год ждала лета, чтобы уехать в Слэдо, маленький городок почти у самых Восточных гор, в гости к давней маминой приятельнице. В три года девочка тяжело заболела, и лекарь посоветовал на время сменить климат. Слэдо идеально подошел. Так с тех пор и повелось.

Париза ли Куф, одинокая бездетная вдова, любила дочку подруги, называла племянницей, баловала, относилась снисходительно к ее шалостям, а главное,

предоставляла свободу. Пусть относительную, но все же.

Девочка познакомилась с окрестной детворой и целыми днями пропадала вместе с ними то на речке, то в лесу, то в горах. Высоко и далеко они не заходили, и, тем не менее, у компании везде имелись свои тайные тропки и убежища. Одевалась Тина просто и скромно, со всеми держалась ровно, приветливо. Никому из новых друзей и в голову не пришло, что они общаются с дочерью всесильного герцога ли Граджа.

Гестине это очень нравилось.

Потом ее маленькие приятели выросли, начали помогать родителям, остепенились. У них появились взрослые дела, заботы, и Гестине все чаще приходилось проводить время одной. Она брала книгу и уходила гулять, обходя знакомые с детства места.

Вот так однажды летом — ей тогда как раз исполнилось восемнадцать — она и встретила его...

— В одной из пещер в предгорьях. Вход в нее зарос диким колючим кустарником, высокими и густым, поэтому об этом месте никто, кроме «наших», не знал, — мама слабо улыбнулась своим воспоминаниям и тут же снова посерьезнела. — Когда я впервые его увидела... чуть не умерла от страха. Сразу догадалась, что это маг. И не какой-нибудь несчастный беглый раб, а самый настоящий, из Лагора. А кем он еще мог оказаться? Темная фигура, полулежащая у дальней стены... Черный плащ... Низко надвинутый капюшон... А вместо лица — пустота. Чужой... Жуткий... Первым моим желанием было броситься оттуда без оглядки и немедленно позвать храмовников. А он вдруг застонал коротко и глухо, шевельнулся, словно хотел подняться навстречу, и прошептал: «Помоги». И все.

Это короткое «помоги» изменило всю жизнь Гестины.

Вместо того, чтобы отвернуться, умчаться прочь, донести, она осталась. Сделала осторожный шаг вперед... Потом еще один... Еще... И склонилась над мужчиной.

Девушка не бросила его ни в этот день, ни в следующие. Носила еду, воду, лекарства, какие сумела достать, и ни о чем не спрашивала. Молча оставляла корзинку возле него и убегала, чтобы на другой день обменять пустую плетенку на полную. Маг первый заговорил с ней.

— Как тебя зовут?

От низкого гортанного голоса по спине побежали колючие мурашки.

— Иль... Ильмия.

Чего она в тот момент испугалась, почему представилась именем одной из своих местных подружек, Гестина и сама не знала.

— А вас?

Мужчина на минуту задумался.

— Можешь называть меня Нед, — наконец представился он.

«Можешь называть»... Значит, маг тоже скрывает настоящее имя», — мельком

отметила она.

Впрочем, какая разница? Он поправится, уйдет, и они все равно больше никогда не встретятся.

Однако маг не торопился ни выздоравливать, ни исчезать.

Каждое утро, заглядывая в пещеру, она гадала, застанет ли его. Но один день сменялся другим, а мужчина все еще оставался на месте, как и прежде, закутанный во тьму и окруженный тенями. По его просьбе она собирала нужные коренья, травы, и с интересом наблюдала, как внимательно он их перетирал, отмерял, смешивал. Потихоньку маг начал подниматься, ходить, но о полном выздоровлении не было и речи.

Теперь Нед встречал девушку почти у самого входа и, кажется, даже радовался ее появлению. А Гестина... Она вдруг поймала себя на том, что ждет этих встреч и боится уже не мага, а того, что однажды придет и увидит пещеру пустой.

Постепенно, незаметно для себя самой Тина привыкла к его уверенному, глубокому, с легкой хрипотцой голосу, к сильным пальцам, которые прикасались к ее ладони, когда он забирал из рук корзину. Ей даже стало казаться, что окружающий мага сумрак уже не такой плотный, как раньше, и там, за истончившейся пеленой, если хорошо присмотреться можно увидеть лицо. Чуть угловатые черты... Широкий подбородок... Решительно сжатые губы...

Ошибалась, конечно.

А еще они теперь беседовали.

Не о политике, способностях Неда, запретном даре Сахтара, светлых и темных. Эти темы они старательно обходили. А о мелочах, привычках, любимых занятиях. О том, что нравится и, наоборот, отталкивает. Лагор, Варрия, давняя непримиримая вражда двух стран, аристократы, маги, храмовники... Все на время отступило, затерялось далеко-далеко. Остались только двое – юноша и девушка, которые с жадным интересом знакомились друг с другом.

Да, маг оказался ненамного старше Гестины и, так же, как она, любил читать, бродить в одиночестве или сидеть где-нибудь на берегу реки с книгой в руках.

– Не знаю, правду он говорил, или обманывал... Как с именем, – дернула уголком губ мама. – Но тогда я верила каждому слову. Нед не был похож ни на лощеных светских снобов, которые ухаживали за мной в столице и в родительской усадьбе, ни на моих приятелей из Слэдо, хороших, но простоватых. Прямой, умный, искренний, пылкий, он мне чем-то напоминал меня саму, и вместе с тем, казался загадочным, необыкновенным. С каждым днем Нед нравился мне все больше.

Однажды во время разговора маг накрыл ее ладонь своей, осторожно переплел пальцы, а она... не стала убирать руку. Сделала вид, что не заметила. Хотя все внутри замерло, а сердце обожгло сладкой истомой. Тем более, что Нед вел себя так, будто все произошло совершенно случайно, даже не запнулся, продолжая рассказывать о своей лаборатории.

Чем он там занимался, Тина так и не разобралась, да ее гость никогда и не сообщал подробностей. Проронил только, что увлекся одним важным экспериментом,

не рассчитал...

– Слишком самонадеянных тьма наказывает... Наставник твердил мне об этом с первого дня, а я все равно полез, куда не следует. Вот и получилось то, что получилось. Взрыв, ранение... В последний момент как-то ухитрился открыть тропу, да только совсем не туда. И вернуться сил уже нет, даже на зов своим не хватает. Надо восстанавливаться. Хорошо, что ты меня нашла, иначе...

Он осекся и больше к этой теме не возвращался. Просто веселил ее, вспоминая всякие смешные случаи. Как опять сунул нос в то, что показалось интересным, и учитель в очередной раз наказал – заставил отжиматься или бегать до изнеможения или сидеть неподвижно на одном месте часами, тренируя выдержку и терпение. Нед называл это странным словом «медитировать».

Тина слушала, смеялась, кивала. Она мало что понимала из этих сбивчивых рассказов. Просто с наслаждением ловила звук его голоса, закутываясь в него, как в бархатное покрывало.

Кто из них первый потянулся к другому, она уже не помнила. Наверное, оба одновременно.

Вкус ее первого поцелуя... Судя по тому, как вспыхнули глаза мамы, она не забыла его до сих пор. Но меня, разумеется, в подробности посвящать не стала. Улыбнулась, растерянно, чуть виновато, и поспешила перейти к менее неловким моментам.

Именно тогда Нед и подарил Гестине свой медальон. Показал, как он открывается, объяснил, что нхоран – его личный знак, и он поможет девушке избежать ненужного внимания жрецов.

– Мы слишком... сблизились. Если храмовники почувствуют, поймут мой энергетический отпечаток, обязательно поймут, что ты общаешься с магом. И не с вашим, варрийским, а с сильным, инициированным. Высшим. – Нед ласково дотронулся до ее волос, пояснил: – Тьма невероятная собственница, она никогда не отпускает того, кто ей нравится. Ставит метку, чтобы каждый одаренный видел и не смел посягать. – Еще одно легкое прикосновение, к щеке, уголку губ. – Не очень ясно, да? Прости, не имею права рассказать подробнее... Но, пожалуйста, никогда не снимай этот медальон, он надежно спрячет след моей магии, скроет ее.

– Не сниму, ни за что не сниму, обещаю, – поспешно заверила Тина, надевая кулон на шею. – Но ведь тебя все равно могут найти, верно? Случайно. Кто-нибудь из моих друзей неожиданно забредет сюда, увидит и донесет.

Мужчина промолчал, отвел взгляд, но Тине и не требовался ответ. Она сама понимала, что права.

Страх, что его отыщут, схватят, стал ее навязчивым кошмаром. Девушка не представляла, как будет жить, когда маг исчезнет, и вместе с тем мечтала, чтобы он поскорее ушел. Вернулся в свой безопасный Лагор. А Нед все медлил... И Гестина, не выдержав, первой заговорила об этом. Вот тогда и узнала, как высшие маги восстанавливаются быстрее и легче всего.

– Он не просил меня ни о чем, я сама его уговорила. Можно сказать, заставила. Утром того дня в городе появился большой отряд храмовников. Никто не знал, зачем

они приехали, но ходили слухи о том, что сбежал какой-то маг и воины-жрецы его ловят. Я ужасно боялась, что они начнут прочесывать окрестности, обнаружат нашу пещеру и... убьют Неда. Он останавливал меня, говорил про невесту, но я почти не слушала. Набросилась с объятиями и поцелуями – не отвертись.

Мама, явно смущаясь. Попыталась перевести все в шутку. А я вдруг подумала, что в наших с ней историях есть очень много общего.

Она оставалась с ним до самого вечера. Они сидели, тесно обнявшись, Тина рассматривала лицо мага – да, она наконец-то его видела – и слушала сбивчивые, торопливые клятвы. О том, что Нед заберет ее с собой, разорвет помолвку с навязанной невестой, и они с Гестиной никогда больше не расстанутся.

– Мне все равно, что ты варрийка, и лишена дара, – повторял он снова и снова. – Никто не посмеет встать между нами.

Ей так хотелось верить ему, и она... поверила. И ощутила себя почти счастливой.

– А когда я, едва дождавшись рассвета, прибежала к Неду, пещера оказалась пуста, – мамин голос вмиг потускнел. – он исчез. Ушел, даже не попрощавшись.

Сначала Тина испугалась, что его схватили, но вокруг не было других следов, кроме ее собственных, а храмовники через день поймали своего сбежавшего усмирленного и спокойно уехали. И тогда она принялась ждать. Каждое утро приходила к убежищу, сидела и ждала. Ждала... Ждала... Но он так и не вернулся за ней. Бросил.

– Много лет спустя я осторожно расспросила старого служащего отца, который ведал в то время розыскными списками. В Слэдо и его окрестностях никогда не находили ни одного лагорца.

На последнем слове мама запнулась, прикрыла глаза, отдыхая, и я сжала ее руку, уже представляя, что услышу дальше.

Известие о неожиданной беременности...

Гнев отца...

Укоры и слезы матери...

Бесконечные расспросы и попытки узнать, кто «этот мерзавец», натолкнулись на твердое: «Я встретила его случайно. Он был в городе проездом и уже уехал. Имя? Не имеет значения». Герцог настаивал, негодовал, бранился, но добиться другого ответа так и не сумел.

Как ли Градж ни злился на дочь, он не переставал любить ее и сделал все, чтобы скрыть позор, который несмываемым пятном лег бы на репутацию семьи и погубил жизнь самой Гестины.

– Внебрачный ребенок незамужней девицы знатного рода – не просто бесчестие. По закону, меня отправили бы в монастырь, а тебя – в храмовый приют для служек Каари. Решать надо было быстро, и отец вспомнил о графе ли Норде, с которым познакомился в инспекционной поездке в провинцию. Вдовец с маленьким сыном, умный, честолюбивый, исполнительный, немногословный, он казался идеальным

кандидатом. Не знаю, как они договорились, но папа взял с Лиммера скрепленную магическим амулетом клятву: никогда, ни при каких условиях не выдавать, что ты ему не родная дочь. А еще письмо, в котором мой будущий муж признавался, что, фактически, продал имя и честь в обмен на титул и состояние. По-моему, обнаружения этого письма ли Норд всегда боялся больше, чем последствий от нарушения клятвы. Тем более, сейчас, — мама болезненно скривилась. — Репутация основателя новой королевской династии должна оставаться безупречной. Мы поженились, я уехала в подаренное отцом имение, где ты и родилась. В столицу я вернулась только через год, да и то ненадолго, так что никто ничего не заподозрил. Тогда же и узнала от матери, что тетушка Париза спешно продала дом в Слэдо и переехала на юг, к морю. Больше мы с ней не виделись.

Ли Норд сдержал слово и никогда вслух не попрекнул жену, но ничего не забыл и не простил. Однако его нарочитая холодность, многочисленные любовницы и редкие супружеские встречи маму не огорчали. Ее устраивала уединенная жизнь в маленьком имении вдвоем с дочерью.

— Больше всего на свете я боялась, что тебе передались способности Неда. Когда Лиммер забрал вас с Талимом, чтобы показать храмовникам... Это были самые страшные часы в моей жизни. Благодарение Каари, жрецы ничего не обнаружили... Ты оказалась самой обыкновенной девочкой, абсолютно лишенной магического дара. Внимание Сахтара обошло тебя стороной.

— Но как такое возможно, мам? — не выдержала я. — Ты самая обыкновенная... Я самая обыкновенная... Если уж на то пошло, ты вообще не должна была забеременеть. А я — родиться, тем более, пустышкой. Насколько мне известно, только магиня способна понести от высшего. Исключительно по его желанию. И дети у них всегда наследуют дар отца.

— По поводу желания Неда ничего не могу сказать, а в остальном... Помнишь, я говорила, что сильно болела в детстве? — мама дождалась моего кивка и продолжила: — После смерти отца я перебирала бумаги, оставленные в тайнике, который он запечатал кровью нашего рода. Прямо папа, разумеется, даже там ничего не написал, но намеков оставил достаточно. В три года у меня случился спонтанный выброс магии, и отцу с помощью друга-храмовника удалось выжечь мой дар. Так они, по крайней мере, считали. Видимо не до конца.

— А я?..

— Ты... — мама устало вздохнула. — За эти годы я много прочитала о высших. Скупала все книги, которые попадались, за любые деньги. Старинные манускрипты. Забытые исследования. Сказки, легенды, домыслы, предположения, страшные истории — чего там только не было. И крупницы, жалкие, разрозненные крупницы правды. Везде говорилось об одном и том же — ребенок высших всегда рождается магом. И только в одной древней рукописи, попавшей ко мне случайно, с контрабандистами из Лагора, упоминалось о детях-пустышках из семей алхоров. Лишь несколько случаев за всю историю. Их называли ущербными. Позором рода. Вырожденцами... Никому не нужными, презируемыми.

Повисла пауза. Наступившую тишину нарушало лишь приглушенное, ворчливое бормотание Ларки, долетавшее с улицы.

«Поймала она-таки бедную Сани», — мелькнуло в голове совершенно некстати.

— Если бы я знала, что ты собираешься заключить договор с алхором, обязательно отговорила бы. Но ты сообщила уже после подписания соглашения... Слишком поздно... — нарушила молчание мама. — В любом случае, ты не маг, и этого уже не изменить. Если меня не станет... Молчи... Не спорь... Если не справлюсь... Не надо искать отца или что-то доказывать магам. Вышие все равно не примут тебя такой, какая ты есть. Лучше быть равной среди обычных, чем жалким изгоем среди одаренных. Считаться неполноценной. Просто живи... Помни, это чудовище, ли Норд, не имеет к тебе никакого отношения. Ты ему ничем не обязана. И возьми...

Она с усилием приподнялась, сняла с шеи медальон.

— Теперь это твое...

Следующие несколько дней прошли в каком-то забытьи. Что бы я ни делала — ходила, разговаривала, улыбалась хозяйке и немногочисленным постояльцам, беспокоилась о Хвиче, радовалась, что Уна выздоравливает, сидела у постели мамы, в очередной раз расспрашивала Зору о ее состоянии — мысленно вновь и вновь возвращалась к тому, о чем недавно узнала.

Я не дочь ли Норда...

Мой отец — высший...

Это звучало странно и пока почти неправдоподобно.

Я жалела маму, понимала ее и даже не думала осуждать. Наверное, на ее месте я поступила бы также. И магу бы помогла. И алхорам ничего не сообщила о дочери-пустышке. И секрет свой хранила бы до последнего ото всех, даже от собственного ребенка. Есть тайны, которые принадлежат лишь одному человеку, и с ним должны исчезнуть.

Мама постаралась максимально защитить меня, как уж сумела, и, если бы не война, в моей жизни все было бы хорошо. Лучше, чем у многих девушек моего сословия и положения.

Как ни странно это сейчас говорить, но ли Норд оказался не самым плохим «отцом» для приبلудной девчонки. Да, он не любил меня и не скрывал своего отношения. Да, держался сухо и отстраненно. Но я не чувствовала ненависти к себе, скорее, холодное безразличие. При этом он никогда не отказывал ни в чем — ни в деньгах, ни в нарядах, ни в самых лучших учителях — и уж точно не обижал, даже голоса ни разу не повысил. И мужа нашел самого лучшего из возможных: молодого, красивого, титулованного, богатого. Он не трогал меня, пока я ему не мешала.

Война ожесточила герцога, заставила выбирать между чужим нежеланным ребенком и собственными планами. И он сделал выбор не в мою пользу. Отрекся с тем же ледяным равнодушием и спокойствием, с каким всегда держался со мной.

Очень тяжело, почти невыносимо считать, что от тебя отказался родной отец,

поэтому я была благодарна маме за то, что она именно сейчас все рассказала.

Пусть это и останется только между нами.

Хватит, пообщалась я уже с высшими, больше нет ни малейшего желания. От того, что я узнала правду, ничего не изменилось. У меня есть имение, планы на дальнейшую жизнь, и алхорам в ней не место.

Я спрятала медальон на груди, наглухо застегнула ворот платья и постаралась, хотя бы на время, забыть об этой истории. А потом маме стало хуже, и посторонние мысли окончательно выветрились из головы. Остались лишь неотступная, гнетущая тревога и страх за маму.

В последние дни она совсем ослабела, приходила в себе все реже, словно, сообщив мне об отце, расплатилась со всеми долгами и перестала бороться за жизнь. Даже отвары Зоры уже почти не помогали. А однажды ночью я проснулась от болезненного стона.

Маму лихорадило. Она вся горела, металась в бесспамятстве, бредила. Звала то меня, то Уну, то свою мать, мою покойную бабу. Несколько раз я слышала имя Неда. А иногда у нее вдруг резко перехватывало дыхание, и, тогда мне в ужасе начинало казаться, что еще миг — и оно совсем оборвется.

Срочно вызванная травница только головой покачала.

— Я сделала все, что в моих силах, девочка, теперь остается только ждать. Если к завтрашнему дню жар спадет, хорошо. Справилась, значит. Переборола. Смогла. Дальше дело пойдет на лад.

— А если... нет?

Женщина не ответила, отвернулась, пряча лицо, и я помертвела.

— Молись, деточка, — произнесла она через несколько мгновений оглушающей тишины.
— Проси Каари сжалиться. Больше ты матушке сейчас ничем не поможешь.

Зора так и не ушла домой, за что я была ей очень благодарна. Она осталась на постоялом дворе, и время от времени заходила к нам — проверяла состояние больной, по глотку вливала ей в рот лекарства, окуривала душистым травяным дымом.

Я всю ночь провела у постели мамы. Не отрывая от нее взгляда, опускала кусочек холщовой ткани в миску с холодной водой, а потом протирала раскаленный от жара лоб. Снова... Снова... И снова... Вода быстро нагревалась, я поднималась, чтобы поменять ее, и все повторялось сначала.

Уна пыталась помогать, но сама была еще слишком слаба и быстро свалилась без сил, забывшись тяжелым сном.

К утру маме не стало лучше, а я... Я слишком устала, чтобы думать о плохом, да и вообще о чем-либо думать. Прошедшая ночь полностью вымотала меня, опустошила, и я просто сидела и смотрела... То на маму, то на окно, за которым занимался серый, хмурый рассвет. Или он казался мне таким?

За окном неожиданно басовито залаяла собака. Хлопнула дверь. Зазвучали шаги, приглушенные голоса.

Наверное, новые постояльцы приехали...

Это мысль мелькнула на краю сознания, не вызвав ни любопытства, ни интереса, и я уже почти погрузилась в ставшее за эти несколько часов привычным оцепенение, как вдруг одно слово... одно-единственное слово все изменило.

– Лэйры, – вдруг как-то особенно громко и отчетливо произнесла Ларка. – Такая честь для нас... такая честь... Все, что скажете, гости дорогие... Что вашим милостям угодно... Я мигом...

Лэйры? Маги? А вдруг и целитель с ними?

Вязкого оцепенения как не бывало. Я вскочила на ноги и, даже не расправив помятого платья, бросилась к двери.

Только бы одаренные согласились помочь. Только бы...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/gospodin-moih-nochei-kniga-2-b116716>